

The book cover features a vibrant pink top and bottom border. The central yellow area contains a line drawing of a woman in a purple coat and black pants walking towards the right, holding a mobile phone. In the background, a man with a backpack and a cap walks away, and a child is visible near a building entrance. The title is written in large, stylized purple letters. Decorative elements include hearts and a gift tag at the top.

Волшебство по наследству

❧ Светлана Луденец ❧

Только для девчонок

Светлана Лубенец

Волшебство по наследству

«Автор»

2008

Лубенец С. А.

Волшебство по наследству / С. А. Лубенец — «Автор»,
2008 — (Только для девочек)

ISBN 978-5-699-25073-8

На какие только ухищрения не идет красавица и отличница Яна Кузнецова, чтобы понравиться самому симпатичному парню школы! И все напрасно. Даже хуже – пока Яна плела интриги, Юра влюбился в ее подругу Таню, невзрачную и глупенькую! Но Кузнецова не сдавалась до тех пор, пока на нее вдруг не обратил внимание Витька Шереметьев, который преподнес Яне загадочное старинное кольцо. В их роду его дарили только будущим невестам... Так что же делать? Продолжать бороться за Юру или остаться с милым и славным Витей?

ISBN 978-5-699-25073-8

© Лубенец С. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Светлана Лубенец

Волшебник по наследству

Глава 1

Лиса

Яне никак не шли на ум неопределенно-личные предложения, потому что ее собственная личная жизнь была еще неопределеннее, чем эти предложения. Она пыталась как можно независимей крутить в руке карандаш, чтобы никто не догадался, что она совершенно не знает, что же надо подчеркивать в этой гадкой самостоятельной работе по русскому языку. Коля Брыкун уже десятый раз поворачивался к ней с выражением ужаса в смешных, в крапочку, глазах, но помочь ему Яна ничем не могла. Похоже, придется разделить с Колькой «четвертак» на двоих.

Ну и ладно! Ну и пусть! Разве это беда? Беда совсем в другом! Сегодня она, Яна, опять столкнулась на крыльце школы с Юрой Князевым из 9-го «А». Она та-а-ак на него посмотрела, что любой другой давно понял бы: Яна к нему равнодушна. А он... Прошел чуть ли не сквозь нее. Совершенно непонятно, почему он ее не замечает? Яна считается первой красавицей параллели восьмых классов. Конечно, Юрин девятый это вам не восьмой, но и среди девятиклассниц Яна не видела себе достойной конкурентки.

А уж парни Яниного 8-го «Б», все, до единого, влюблены в нее в большей или меньшей степени. Взять хотя бы Кольку Брыкуна! Проходу не дает. Он надоел Яне, как горькая редька, как липучий неотвязный мотивчик. А Серега Николаев! Из-за него все восьмиклассницы сходят с ума, а он бросает выразительные взгляды только на Яну. Вчера даже предлагал набрать на собственном компьютере ее реферат по истории, а там, между прочим, ни много ни мало, а целых двадцать четыре страницы. Яна, конечно, отказалась, потому что все это ей ни к чему. Конечно, было бы здорово, если бы он набрал, но потом она будет считать себя ему обязанной. А скажите, пожалуйста, зачем ей это надо, когда ей нравится один лишь Юра Князев, который не обращает на нее ровным счетом никакого внимания.

Яна разглядела Юру Князева как следует только этим летом, хотя они всю жизнь прожили рядом, в соседних домах. Так получилось, что летнюю практику они отрабатывали вместе, на школьных клумбах. Юра со своим другом Витькой Шереметьевым таскал на носилках землю из большой кучи, которую вывалил на школьном дворе заказанный в садово-парковом хозяйстве грузовик, а Яна вместе с приятельницей Таней Самохиной разравнивала землю на клумбах и высаживала цветочную рассаду. Яна даже несколько раз перекинулась с Князевым парой слов и теперь никак не могла понять, почему он с ней даже не здоровается. Витька всегда первым приветливо кивает головой, а этот... Яне очень хотелось думать, что Юра только делает вид, что не замечает ее, а на самом деле просто очень стесняется к ней подойти. Она пыталась помочь ему побороть стеснение тем, что намеренно несколько раз на дню попадалась на глаза, но результата ее хитроумные действия почему-то не приносили никакого.

Яна ловила себя на том, что все перемены только и делает, что высматривает Князева во всех уголках школьных коридоров и видит его чуть ли не сквозь стены. Недавно она смотрела по телевизору научно-познавательный фильм про насекомых, и теперь ей стало казаться, что ее собственные глаза на самом деле тоже не обыкновенные, а фасеточные, как у какой-нибудь препротивной мухи, что, кстати сказать, оказывается, очень удобно. Любой из этих многочисленных фасеток Яна легко могла поймать Юрину фигуру, даже если она только на миг появлялась в самом дальнем дверном проеме. А может быть, у нее дополнительно к двум большим и выразительным глазам есть еще какие-нибудь скрытые четыре пары маленьких глазок, как

у паука. Именно они и обеспечивают Яне круговой обзор на все триста шестьдесят градусов, иначе трудно объяснить, каким образом она везде замечает Князева, даже если на боковом фланге всего лишь мелькает его серый, ничем не примечательный джемпер. Правда, пока все эти удивительные особенности Яниного зрения, то ли дремавшие до поры до времени, то ли внезапно развившиеся на почве неразделенной любви, пропадали совершенно напрасно и без всякой для нее пользы. Юра Князев не замечал ее не только в дальних коридорах школы, но даже и столкнувшись нос к носу.

Прозвенел звонок. Яна возвратилась мыслями к весьма неутешительной действительности в виде урока русского языка, тяжело вздохнула, смяла в кулаке листок с неподчеркнутой самостоятельной и небрежно засунула его в сумку. Пусть ей поставят единицу. Пожалуй, сегодня она даже пары не заработала.

* * *

Дома Яна очередной раз вызвала в мыслях милый образ стройного сероглазого молодого человека с пушистыми ресницами и решила написать ему письмо. Письмо как-то с самого начала не задалось, как и давешняя «самостоялка» по русскому. «Великий и могучий» оказался слишком беден, чтобы выразить то, что испытывала к девятикласснику Юре Князеву восьмиклассница Яна Кузнецова. Отвлечься от своих невеселых мыслей она решила путем просмотра какого-нибудь душераздирающего телевизионного сериала про чужую любовь со счастливым концом, желательно мексиканского, но этому помешал телефонный звонок.

– Ну что тебе? – с неудовольствием спросила Яна, когда услышала голос своей приятельницы Тани Самохиной.

Танька была именно приятельницей. Подруг Яна давно не заводила. Она действительно была настолько хороша собой, что все подруги, которые у нее когда-то были, одна за другой с отвратительным однообразием превратились в страшных завистливых врагинь. Начиналось все обычно с мелких придирок, а кончалось безобразными ссорами с испепеляющими взглядами и обзывательством довольно гадкими словами. Приятельство, в отличие от дружбы, было хорошо тем, что не накладывало никаких обязательств. Яна не должна была везде ходить с Танькой, подчиняться ее капризам и прихотям, доверять ей свои секреты, которые, как известно, подруги очень любят делать достоянием общественности. Яна обычно заходила за Самохиной по пути в школу, поскольку одной ей идти было скучно. Вместе с Таней она также являлась на дискотеки, чтобы не выглядеть между танцами вызывающе глупо и одиноко. Остальные свои дела Яна предпочитала делать в одиночку. Ей и с собственной персоной было интересно и совсем не скучно.

О том, какие чувства к ней испытывала Таня Самохина, Яна предпочитала не задумываться. Более того, как только Танька пыталась поближе сойтись с ней или доверить какую-нибудь страшную тайну, Яна замыкалась в себе и всем своим видом давала понять, что это ей совершенно не нужно и не интересно. Сначала Самохина обижалась чуть ли не до слез, а потом смирилась, потому что никакой другой подруги или приятельницы у нее все равно не было.

Лениво разговаривая с Таней о домашнем задании по алгебре, Яна вдруг сообразила, каким образом можно использовать простоватую Самохину в своих интересах.

– Тань, а как тебе Юрка Князев из 9-го «А»? – неожиданно спросила она прямо посреди объяснения свойств уравнения из «домашки».

Таня, удивленная таким необычным поворотом разговора, помолчала с минуту, а потом растерянно ответила:

– Не знаю... Я как-то никогда об этом не задумывалась...

– А ты задумайся.

– Зачем? – испугалась Таня.

– Неужели не догадываешься? – для вида спросила Яна и по Танькиному безмолвному сопению в трубке поняла, что начала плести интригу очень удачно. Она удовлетворенно улыбнулась, чего, разумеется, Самохина видеть не могла, и добавила: – Мне кажется, что ты ему нравишься.

– Да ну? – еле слышно прошелестела Таня. – С чего ты взяла?

– С того! Я видела, как он на тебя смотрел. Еще летом. Помнишь? На клумбе.

– С лета столько времени прошло... – продолжала недоумевать Татьяна.

– Прошло, не спорю. Только он и сейчас смотрит на тебя точно так же!

– Как?

– Сумасшедшими глазами, вот как! – на ходу вдохновенно сочиняла Яна.

– Не может быть! Я никогда не замечала!

– Что ты вообще замечаешь? Небось, все в сторону Николаева глядишь, а напрасно. Юрик Князев получше Сереги будет. Он ведь уже в девятом учится! На него даже Вика Назарова из 10-го «А» заглядывается!

Таня молчала, но Яне казалось, что она улавливает в трубке какую-то тонкую вибрацию, исходящую от Танькиного глубоко пораженного известием организма. Наконец Самохина глухим голосом спросила:

– А ты не врешь... ну, то есть... не шутишь?

– Зачем мне это надо? – с хорошо разыгранным возмущением откликнулась Яна.

– И что же мне делать?

– Я думаю, что тебе нужно дать ему понять, что он тебе тоже нравится.

– А разве он мне нравится? – нелепо спросила Танька.

– А разве он может не нравиться? – проговорила Яна, но приятельница, видимо, находилась в состоянии такого глубокого шока, что ничего не заметила.

– Ну... вообще-то... он ничего... высокий... и ресницы у него... длинные...

– Вот видишь, – обрадовалась успеху своего наступления Яна, – он нравится тебе, ты – ему, поэтому вам надо срочно начать встречаться.

– Как это я вдруг начну с ним встречаться?

– Ну... как-нибудь... Надо подумать... Например, ты можешь пригласить его на танец на дискотеке.

– На какой еще дискотеке? У нас в ближайшее время не намечается никаких дискотек.

– Правильно. У нас в школе не намечается, а в клубе «Вираз» они каждую субботу намечаются и даже проходят при большом скоплении народа.

– Может, он в «Вираз» и не ходит...

– Все девятиклассники туда ходят. Мне Ольга Прокофьева из 9-го «В» рассказывала.

– Все равно, – голос Тани из растерянного вдруг стал твердым. – Я никогда не смогу пригласить его на танец. Это не для меня!

– Вот глупости! – возмутилась Яна. – Почему это не сможешь?

– Потому что стесняюсь, вот почему!

– Ну знаешь, в наше время с таким пережитком прошлого, как стеснение, давно пора расстаться!

– Нет, я не смогу его пригласить, – продолжала упрячиться Самохина.

– Но ты же не хочешь, чтобы его перехватила Назарова или вообще какая-нибудь посторонняя мымра? – очень заинтересованно спросила Таню Яна, поскольку сама этого очень боялась.

– Не хочу... – не очень уверенно отозвалась Танька.

– Значит, решено! В субботу идем в «Вираз», так что у тебя есть еще три дня, чтобы работать над собой, то есть бороться со своей глупой и никому не нужной стеснительностью.

Яна шлепнула на рычаг трубку и удовлетворенно улыбнулась. Эта шляпа Танька уже вовсю верит, что нравится Князеву. Похоже, удалось ее убедить даже в том, что и он ей нравится. Надо же быть такой внушаемой! Неужели ей с таким же успехом можно было внушить любовь, скажем, к Кольке Брыкуну? Если бы не операция «Князев», пожалуй, стоило бы попросить. Да, Самохина – настоящая простофиля! Но это-то как раз и хорошо! На следующем этапе Яна убедит Таньку, что она должна пригласить Юру на свидание. Очень важно, чтобы он согласился. Главное, заполучить Князева в свою компанию, а там... А там он сразу увидит, насколько Яна выгодно отличается от глуповатой невыразительной Самохиной.

Яна подошла к зеркалу и в очередной раз с удовольствием оглядела свою легкую длинноногую фигуру, пышные золотистые волосы до плеч и чистое лицо с яркими полными губами, глубокими серыми, почти как у Юры, глазами и с точеным хорошеньким носиком. Придаться в ее внешности было решительно не к чему! Самохина, конечно, гораздо хуже. Она и ростом ниже, и шире в кости, что нынче совсем не модно, и личико у нее простенькое: с блеклыми голубыми глазками и бледными тонкими губами. А уж одевается... Провинция провинцией, хотя родилась в Петербурге. Ну никакого вкуса и шарма! И как только она могла поверить, что нравится самому Князеву?! Яна вдруг испугалась: а что, если Юра на Таньку не поведется? Весь план рухнет! Пожалуй, в субботу стоит Самохину хорошенько поднакрасить и приодеть получше. Правильно! У нее есть одна блестящая блузочка... надоевшая уже, конечно, но Таньке сойдет, у нее сроду не было такого прикида.

* * *

Когда Яна, откинувшись вбок от модели, оглядела творение своих рук, то здорово огорчилась. Похоже, она перестаралась. Танька Самохина в ее блескучей блузочке и ярком макияже выглядела очень неплохо. А что, если Князев в нее взаправду влюбится? Нет! Не может быть! Ну... сначала он вообще-то и должен выпасть от Таньки в неглубокий осадок... именно этого от него и добиваются, но потом он сразу увидит, насколько та примитивна и бледна на Янином сверкающем фоне. На всякий случай Кузнецова еще раз бросила быстрый взгляд на себя в зеркало и окончательно успокоилась. Конечно, Таньке с ней не сравниться. Один Янин белый и пушистый свитерок чего стоит! А цепочка из черненого серебра... А сапожки на умопомрачительной шпильке...

Яна боялась, что Танька к субботе не отойдет от своего глупого стеснения и завалит все дело, но все пока шло по намеченному плану. Яне за три дня удалось так распалить воображение Самохиной, что та уже считала, будто влюблена в Князева чуть ли не с первого класса, и была готова на все, только чтобы Юрочку с дискотеки не увела за собой та самая посторонняя мымра или десятиклассница Вика Назарова.

Яна последний раз провела щеткой по Танькиным распущенным до пояса светлым волосам, потом по своим золотистым, и они отправились на дискотеку в подростковый клуб «Вираз».

* * *

В «Виразе» действительно было много девятиклассников из Яниной школы. Довольно скоро был обнаружен и Князев со своим другом Витькой Шереметьевым. Они веселились в компании одноклассников и на Яну с Таней не обращали никакого внимания.

– Ну вот, – тут же потеряла в себе уверенность Самохина. – Ты говорила, что я ему нравлюсь, а он даже не смотрит в нашу сторону.

– Правильно, не смотрит, – Яна лихорадочно соображала, как получше выкрутиться из этого положения, и говорила первое, что приходило в голову, – но как же он будет на тебя

смотреть, если он... если ты... – Яна вдруг сообразила, что лучше всего сказать: – ...если он тебя даже не может узнать! Ты же сегодня такая красавица, и он тебя никогда не видел в этой блузке. Так что приглашай его на первый же «медляк» или, смотри, проворонишь! Оглянись вокруг, сколько тут и без тебя красивых девчонок! Вон, кстати, и Назарова...

Таня послушно огляделась по сторонам и закусила губу. Зал действительно был полон ярких, нарядно одетых юных красавиц. А Вика Назарова в апельсинового цвета костюме с мини-юбкой и в блестящих лакированных сапогах была просто ослепительна. Яна удовлетворенно отметила, что, несмотря на такую неблагоприятную обстановку, приятельница настроена по-боевому и сдаваться не собирается. Как только зазвучала медленная мелодия, Кузнецова довольно резко подтолкнула Татьяну к Князеву.

Юра явно растерялся, когда увидел возле себя Таню. Похоже, он ее действительно не сразу узнал. Самохина ему что-то сказала, он расплылся в улыбке, и они вышли в круг танцующих. Яне очень не понравилось, как захватнически Танька положила руки Князеву на плечи, как он по-свойски обнял ее за талию и, улыбаясь, что-то зашептал в ухо, почти касаясь губами ее пылающей щеки. Можно было подумать, что они об этом совместном танце мечтали всю свою предыдущую жизнь. Но Яна-то знала, что совсем недавно они и думать-то друг о друге не думали, а этот танец она им организовала своими собственными руками. И что же теперь получается?

– Потанцуем? – услышала Яна знакомый голос. Отвернув голову от интересующей ее пары, она увидела около себя Брыкуна. – Потанцуем... – повторил он.

Яна немедленно мертвой хваткой вцепилась в Колькину толстовку и потащила его поближе к Князеву и Самохиной. Хорошо бы услышать, о чем эти двое шепчутся. Не переигрывает ли Танька? Ишь, нашлась влюбленная! Да если бы не Яна, где бы она сейчас была, Джульетта доморощенная! И Юра тоже удивляет – никогда в сторону Таньки не смотрел: ни летом на клумбе, ни во время учебы в школьных коридорах, а сейчас вцепился в нее, будто от Самохиной зависит вся его дальнейшая жизнь.

– Можно я сегодня тебя провожу с дискотеки? – без особого энтузиазма спросил Брыкун, потому что хорошо знал, что Яна ему ответит. Она не стала его разочаровывать и ответила как всегда:

– Отстань, а!

– Только и знаешь свое «отстань»! Ты хоть раз попробовала бы со мной прогуляться, а потом уж и отмахивалась бы!

– Тоже мне, подарочный торт нашелся! Была охота тебя пробовать... – еще больше раздражилась Яна, потому что Брыкун своими глупостями мешал ей слушать, о чем говорят Танька с Юрой. А говорили они о чем-то очень важном, потому что неотрывно глядели друг другу в глаза. Яне это совершенно не нравилось и не вписывалось в разработанный ею сценарий.

– Если тебя раздражает, что я плохо учусь, – по-прежнему нудел под ухом Брыкун, – то я могу и поднажать... Ты только скажи...

– Слушай, Колька, – Яна остановилась посреди зала, несмотря на продолжающуюся мелодию, – мы вроде бы уже сто раз обо всем переговорили и все выяснили. Мы с тобой друзья – и ничего больше!

– Мало ли, что переговорили, – не сдавался Брыкун. – Все в жизни меняется, а потому и ты можешь переменить свое отношение ко мне.

– Ты прав, я скоро перемену к тебе свое отношение в том смысле, что вообще pošлю тебя подальше и ни за что больше не дам списывать. Понял?

– Да за кого ты меня принимаешь, Кузнецова?! – вдруг ни с того ни с сего рассвирепел Колька. – Я, может, и списываю только для того, чтобы с тобой лишний раз пообщаться!

– Ага! Скажи еще, что специально и учишься плохо, только чтобы была нужда списывать...

– И скажу!

– Ой, не могу! Держите меня! – Яна дурашливо закатила глаза, откинувшись назад и действительно чуть не упала, потому что Коля Брыкун не только не стал ее держать, а, наоборот, убрал руки от ее спины и, шаркая по полу огромными кроссочками, вразвалочку вышел из зала.

– Ну и дурак! – крикнула ему в спину взбешенная Яна.

Музыка очень кстати закончилась, и она пошла на место, одновременно разыскивая глазами Самохину с Князевым. Но ни той, ни другого нигде не было видно. Яна самым внимательным образом оглядела группу девятиклассников у противоположной стены, а затем одноклассников – рядом с собой. Потом последовательно «пересчитала» взглядом всех присутствующих чуть ли не поштучно. Ни Татьяны, ни Юры нигде не было видно. Яна, пересилив собственное стеснение, с которым совсем недавно призывала расстаться свою приятельницу, в полном одиночестве пересекла зал и отозвала в сторону Витьку Шереметьева.

– Витя, ты не знаешь, куда делся ваш Князев? – вся трепеща от смущения, спросила Яна.

– Надо же какой сегодня спрос на Юрика! – ухмыльнулся Витька, внимательно разглядывая Кузнецову.

– Нет никакого спроса, – заверила его Яна и покраснела самым, как говорится, предательским образом и очень густо. – Я просто ищу Татьяну Самохину, а Князев был последним, кто с ней танцевал.

– Именно твоя Самохина и увела нашего Юрика! – все так же весело сообщил Шереметьев и, продолжая беззастенчиво разглядывать Яну, добавил: – А может быть, это он ее увел. Разобраться было совершенно невозможно, кто кого.

Видимо, на лице Яны отразились те чувства, которые она очень хотела бы скрыть, потому что Витька сказал:

– Ну, не стоит так расстраиваться! Встретишься со своей Самохиной завтра, а сегодня давай с тобой потанцуем. Я тебя приглашаю!

Яна молча повернулась к Шереметьеву спиной и шаркающей походкой Кольки Брыкуна вышла из зала. В гардеробе от расстройств она никак не могла попасть руками в рукава своей куртки. Надо же, как все неправильно получилось! И зачем только она это придумала? Оказывается, Князев не так уж и неприступен. Таньке достаточно было всего лишь получше причесаться, и вот вам – пожалуйста! Выходит, если бы Яна сама его пригласила, то и гуляла бы сейчас с ним сама. Но разве она могла предположить, что все так просто решается, что в этом вопросе совершенно не стоит мудрить? А может быть, она просто придумала себе эдакого романтического Юру Князева, а на самом деле он дурак дураком, раз сразу клюнул на нелепую Таньку? Может, оно и хорошо, что клюнул? Зачем ей такой... с дурным вкусом... неразборчивый... готовый встречаться с первой попавшейся... не сумевший оценить ее, Яну...

Несмотря на эти, казалось бы, очень успокоительные размышления, Яна чувствовала, что сейчас разрыдается прямо в гардеробе. Кое-как вдевшись в куртку, она выбежала из дверей клуба, свернула за угол, прижалась лицом к кирпичной стене и с большим удовольствием, если уместно в данном случае подобное выражение, расплакалась.

Слезы принесли ей серьезное облегчение, отчего она получила способность соображать достаточно трезво и четко. А что, собственно, случилось? Случилось именно то, чего она и хотела. Можно считать, что Юра Князев теперь в одной с ней компании, а потому в ее собственных руках. Танька Самохина с толстыми ногами и бесцветным лицом ей никакая не конкурентка, тем более, что блестящую блузочку она завтра же вынуждена будет отдать Яне обратно. Кстати, именно завтра уже все станет на свои места, потому что Юра, увидев Таньку не в бликах светомузыки, а при безжалостном свете белого дня, сразу поймет, как жестоко ошибся, что пошел провожать ее, а не стройную и изысканную Яну Кузнецову.

Яна медленно поплелась домой. Новые сапоги на высоких каблуках невыносимо терли ей ноги, под тонкую замшевую курточку забирался холодный ветер, и она чувствовала себя самым несчастным человеком на свете. Конечно, можно было поехать на автобусе, но толкучка будет мешать ей думать. А подумать есть о чем. Например, о том, где же она допустила промашку. Наверное, слишком красиво Таньку нарядила. Перестаралась.

Яна, к собственному неудовольствию, чувствовала, что не может перестать думать о Князеве, несмотря на то что он проявил такой дурной вкус и воспитание, что после первого же танца пошел гулять с Самохиной. Яна-то планировала, что с дискотеки они уйдут вдвоем.

Придя домой, она тут же «села» на телефон. А Таньки все не было дома! Кузнецова металась по собственной комнате, ломая пальцы, и даже отказалась ужинать.

– Ты не заболела? – встревоженно спросила мама и тут же полезла губами трогать лоб дочери.

– Я здорова, мама! – Яна еле вырвалась из цепких родительских рук и уселась в кресло, скрестив руки на груди и положив ногу на ногу. Ей хотелось только одного, чтобы мама побыстрее ушла из комнаты и оставила ее в покое, один на один с ее горькими и одновременно такими сладкими мыслями.

Мама явно этого не понимала, потому что уходить не собиралась. Она пытливо заглянула дочери в глаза и спросила:

– Ты случайно не села на какую-нибудь идиотскую диету, о которых пишет эта глупейшая пресса? – и она махнула рукой в сторону дивана, заваленного пестрыми девчоночьими журналами.

– Не села, – односложно ответила Яна, чтобы не дать маме возможность зацепиться за какое-нибудь неосторожное слово и привязаться с новыми расспросами.

Ход оказался тактически неверным, потому что мама присела на подлокотник кресла, еще раз заглянула дочери в глаза и участливо спросила:

– Яночка, у тебя что-то случилось?

– Мама! У меня ничего не случилось, просто я не хочу есть! – гораздо более распротраченным предложением ответила Яна.

Это объяснение маме тоже почему-то показалось подозрительным. Она поджала губы и строго сказала:

– Ну-ка посмотри мне в глаза!

Удивленная Яна подняла голову:

– Ну смотрю! И что?

Мама вгляделась в ее зрачки, нервно облизнула губы и каким-то новым голосом спросила:

– А ты... случайно... чего-нибудь... не употребляешь?

– Чего?! – взвилась Яна.

– Ну, не надо так сердиться. Я же просто так спросила. На всякий случай, – виновато зачастила мама. – Главное же, предупредить несчастье... а то потом, сама знаешь, уже ничего нельзя будет сделать...

– Мама! Ты совсем сошла с ума! Я не наркоманка! Я не курю, не пью и даже не беременная!

Мама всхлипнула и закрыла лицо кухонным полотенцем. Яна поняла, что переборщила. Она обняла маму за плечи и, как могла, ласковее сказала:

– Ну... ладно... не сердись... Мне просто не нравится, когда меня подозревают во всяких гнусностях. Если хочешь, я даже могу чего-нибудь съесть!

После ужина, который Яна с трудом в себя впишула, чтобы только порадовать маму, она еще раз четыре позвонила Таньке. Той по-прежнему не было дома. В одиннадцать трид-

цать пять самохинская мамаша раздраженным голосом сказала, что Таня уже спит и что Яне неплохо было бы последовать ее примеру.

Ночью Яна Кузнецова спала плохо, окончательно проснулась слишком рано и еле дождалась того времени, когда можно будет зайти за Танькой. Она застала ее крутящейся у зеркала в своей собственной роковой блузочке. Самохина завязала высоко на затылке хвост, потом распустила его и завязала два хвостика над ушами, потом распустила и их, расчесала волосы щеткой и, заглянув через зеркало в глаза Яне, спросила:

– Вроде бы так лучше, да?

Яна была согласна, что так лучше, но намеренно небрежно бросила:

– По-моему, с хвостами оригинальней.

– Ты думаешь? – с сомнением в голосе переспросила Таня, и Яна почувствовала, что завязывать хвосты над ушами она не будет.

Так оно и случилось. Самохина крутанулась на одной ножке и, обернувшись таким образом к Яне, счастливо пропела:

– Если я буду снова завязывать хвосты, мы в школу опоздаем. Я уж лучше так!

– Конечно, лучше так, – изо всех сил старалась сдержать раздражение Яна, – потому что ты еще должна успеть снять блузку. Меня вчера мама уже спрашивала, куда я ее дела, – вдохновенно соврала она.

– Ну, Яночка! – взмолилась Таня. – Я только один разочек схожу в ней в школу! Она такая блестящая, что Людмила Семеновна тут же прогундосит, чтобы я уже завтра в ней являться в класс не смела. Я и не приду. Ну, пожалуйста... Только сегодня...

Яна кивнула, потому что ссориться с Самохиной насовсем было еще рано. Она еще не выполнила всей отведенной для нее роли. С одной стороны, Кузнецовой очень хотелось спросить Таньку о свидании, но с другой – совершенно не хотелось подавать вида, что это ее сильно интересует.

В лифте она все-таки не выдержала и спросила как можно небрежнее:

– Ну и что Князев?

– Хорошо... Мы гуляли... Допоздна...

– И ты с первого же раза согласилась допоздна?! – не смогла скрыть возмущения Яна.

– А что такого? Ты же знаешь, что он мне давно нравится.

Яна опешила. Надо же, какое наглое заявление! Еще неделю назад Самохина даже не догадывалась о своем пламенном чувстве к Князеву. Яна сформировала его в ней своим собственным трудом. А теперь Танька, похоже, собралась в одиночку пожирать плоды, возвращенные Яной.

– Расскажи, как все было, – только и смогла произнести она, изо всех сил стараясь сдержать рвущиеся наружу эмоции.

– Да, собственно, нечего и рассказывать. Гуляли, и все. Разговаривали.

– А он не удивился, что ты его вдруг пригласила на танец?

– Удивился.

– Ну а потом? Да что ты цедишь в час по чайной ложке! – Яна почувствовала, что клочущее внутри ее бешенство вот-вот прорвется наружу, и все будет испорчено. Она заставила себя глубоко вздохнуть и медленно просчитала в уме до пяти. Дальше не успела.

– Потому что... – Таня вдруг решительно скинула на нее свои блекло-голубые глаза, – это ведь только наше с ним дело. Правда?

– Да ты что? Да если бы не я... Да ты бы никогда... – Яна задыхалась от негодования и с трудом подыскивала слова.

– Почему ты кричишь? – спокойно спросила Таня.

Яна осеклась. Действительно, чего это она так раскричалась? Самохина не должна знать, что Яна с удовольствием повыдирала бы ей сейчас все ее светленькие волосенки до единого!

Рано еще сдаваться. Еще вовсе не все потеряно. Надо только срочно перестроиться. Приятельство с Танькой надо ненавязчиво переформировывать в дружбу, в самую задушевную, с сюсями-масюсями и слезами друг у друга на плече.

– Как же мне не кричать, – невинно начала она, как хитрая Лиса из русской народной сказки, у которой растаяла ледяная избушка и которой до смерти нужна была заячья лубяная, – если я к тебе со всей душой: научила, как с Князевым познакомиться... любимую блузку не пожалела... а ты мне ничего не хочешь рассказывать... А еще подругой называешься... – Яна надула свои и без того пухлые губки и сделала вид, что обиделась.

Волшебное слово «подруга» произвело именно то магическое действие, на которое Яна и рассчитывала. Таня вздрогнула и начала извиняться:

– Ну, Янка! Ну, не сердись, пожалуйста! Я же только-только с ним познакомилась! Сама еще ничего не поняла... Я тебе все-все расскажу... Только попозже... Ладно?

Яна, которой совсем не улыбалось ждать неопределенное количество времени, вынуждена была так же неопределенно пожать плечами. Танька, счастливая от знакомства с Князевым и от обретения «настоящей» подруги, на которое уже перестала рассчитывать, краснея, поцеловала Яну в обиженно отвернутую от нее щеку. Если бы Самохина могла знать, какие страсти в тот момент бушевали в душе наконец обретенной «подруги», она, конечно, не стала бы этого делать.

Глава 2

Княгиня с Графиней

Татьяна Самохина с той памятной дискотеки в подростковом клубе «Вираз» теперь чуть ли не каждый день встречалась с Юрой Князовым. На фоне беспробудно серых осенних дней с бесконечными дождями она светила своей неожиданно обретенной любовью так ярко, что Яне было больно на нее смотреть. Собственное Янино настроение было под стать дождливой погоде. К ее глазам все время подкатывали злые завистливые слезы, а в груди было холодно и тоскливо. Поскольку она все-таки надеялась еще переиграть ситуацию в свою пользу, то продолжала сюсюкать с Танькой и играть роль самой верной подруги.

Самохинское счастье будоражило не только Янину душу. Все до одной одноклассницы завидовали Таньке, потому что гулять с девятиклассником было гораздо престижнее, чем даже с первым парнем их класса Серегой Николаевым, тем более что тот ни с кем и не гулял.

– Я просто удивляюсь тебе, Татьяна! Как ты умудрилась отхватить себе Князева? – уже в десятый раз спрашивала Самохину Юля Широкова.

– Так получилось, – тоже в десятый раз отвечала смущенная Таня и счастливо улыбалась.

– Почему-то ни у кого до сих пор не получалось, даже у нашей прекрасной Яночки, а у тебя вдруг раз – и получилось! – продолжала Широкова, бросив быстрый презрительный взгляд в сторону Кузнецовой.

Яна не стала слушать, что ответит Юльке Таня. Что бы та ни ответила, все будет ложью, потому что правду знает одна лишь Яна. Очень тяжело эту правду все время носить в себе. Поделиться ни с кем нельзя, пожаловаться на горькую судьбу – тоже. Кузнецова теперь очень хорошо почувствовала на себе, что означает выражение «вариться в собственном соку».

Юля Широкова была одной из тех самых бывших Яниных подруг, которая переродилась во врагиню не так уж и давно.

Они еще в прошлом году дружили втроем: Яна, Юля и Эля Воропаева. Их так и называли одним духом, как последние буквы алфавита – ЭЮЯ. Сначала откололась первая буква – Э. Элька переметнулась к Оксанке Новожиловой, потому что у той мама открыла на соседней улице навороченное кафе «Золотой мост», и Воропаевой очень понравилось проводить там время. Во-первых, каждый вечер посетителей там услаждала своей музыкой знаменитая на весь их район молодежная группа «Экипаж», и Элька с Оксанкой существовали, таким образом, в состоянии перманентных, непрекращающихся дискотек. Во-вторых, новожиловская мамаша разрешала им в своем кафе пить без счета безалкогольные коктейли с соками, а также есть тоннами пирожные, икру и бутерброды с нарезкой из элитных колбас. Юлька тогда на весь класс кричала, что Эльмира продана за шмат колбасы, за что Воропаева рассказала всему свету о том, как страстно Юлька влюблена в Серегу Николаева. Этот обмен «любезностями» ни к каким изменениям в их жизни не привел, потому что Элька продолжала обедать в новожиловском кафе всевозможными деликатесами, а Серега Николаев даже не подумал оторваться от компьютера и посмотреть в Юлькину сторону с интересом.

Потом тонкая трещинка наметилась между Ю и Я. Юлька тоже считалась в классе за красавицу, но рангом чуть ниже Яны, и в этом-то и было все дело. Как Широкова ни пыжилась, догнать Яну никак не могла. Мало того, что количество ее пятерок по всем предметам в общей сумме никак не могло достичь Яниной умопомрачительной цифры, но и на личном фронте Кузнецова ее всегда хоть на полшага, но опережала.

Например, как-то Широкова решила сделать себе модную стрижку. Стриглась специально в самом дорогом салоне, истратив на прическу все свои личные сбережения и немаленькую сумму, выпрошенную у родителей, чем, собственно, и собиралась утереть нос Куз-

нецовой. И что вышло? Яна в тот же день явилась в школу в таких ультрамодных сапогах с длинными, загнутыми вверх носами, от которых никто даже не удосужился оторвать глаз, чтобы поднять их вверх, к новой Юлькиной стрижке. И так почему-то получалось всегда. Только Юлька приобретет какой-нибудь сногшибательный джемперок, глядь – а на Яне тоже обновка, и что отвратительнее всего – обязательно ярче, моднее, дороже или всего лишь с одной маленькой оригинальной деталькой, которая стоит всего Юлькиного джемпера в целом.

Надо сказать, что Широкова терпела такое ненормальное положение дел довольно долго – до прошлогоднего праздника Восьмое марта. Тогда они пришли в класс в одинаковых кожаных строченых жилетках, но на Яниной с нагрудного клапана свисала обворожительная цепочка из гнутых матовых колец с подвеской в виде знака Зодиака. Подвеска стала для Юльки последней каплей. Весь вечер накануне она вертелась у зеркала в предвкушении того, как девчонки запищат от восторга и зависти при виде ее новой клевой жилеточки, а вышло, что все рассматривали только Янин знак Зодиака и жалобно выпрашивали, где можно приобрести подобное украшение.

Юлька на этот раз сумела проявить больше выдержки и не стала вопить на весь класс. Она по-тихому вызвала Яну в коридор и высказала ей все, что думала по поводу подвески, а заодно и по всем остальным поводам. Последней ее фразой была: «И нечего воображать, что ты здесь первая красавица», на которой она и сломалась и даже некстати слегка прослезилась от жгучей жалости к себе. Яна рассмеялась ей в лицо, сорвала с клапана своей жилетки цепочку с подвеской и сказала, что она и без нее выглядеть будет все равно в сто раз лучше Юльки. Именно в тот самый момент тонкая трещинка, уже давно тихонько распространявшаяся между Ю и Я, приобрела неконтролируемо угрожающие размеры, и чаша дружбы с резким хлопком развалилась пополам. Яна тогда, до боли сжав в ладони цепочку, зареклась в будущем заводить подруг. А через месяц после этого случая к одинокой Кузнецовой каким-то непостижимым образом прилепилась Самохина, только сейчас, в связи с известными обстоятельствами, переименованная из приятельницы в душевную подругу.

Яна, наблюдая за беседой Самохиной и Широковой, находилась в самом что ни на есть тошнотворном состоянии. Мало того, что она по собственной инициативе подарила Таньке Князева, так теперь из ее рук уходило еще и лидерство в классе. Вместо нее на первое место вышла убогая Самохина, которую девчонки раньше и в грош не ставили, а теперь смотрели ей в рот и даже очень соблазнительно называли Княгиней. Парни тоже находились в состоянии некоторой растерянности, так как не могли себе простить, что вовремя не разглядели Танькиной утонченной прелести, на которую повелся аж сам гордый Юрка Князь.

– Может, ты меня с князевским другом, с Шереметьевым, познакомишь? – предложила Тане Юлька, на всякий случай стрельнув глазами в сторону Сереги Николаева. Поскольку он головы к ней так и не повернул, она, назло ему, еще громче продолжила: – Этот Витька... он вроде тоже ничего. Давайте куда-нибудь сходим вчетвером!

Яна встрепенулась. Точно! Как же она сама не додумалась? Надо срочно поближе знакомиться с Витькой! Главное, опередить шуструю Широкову. Глядите, какая сообразительная! Шалишь, не получишь ты Шереметьева, Юленька, опять опоздаешь! Решив ковать железо, пока горячо, Яна тут же подошла к одноклассницам и очень строгим тоном заявила Широковой:

– Не стоит разевать рот на чужой каравай. Мы уже идем вчетвером в «Вираз». Ты будешь пятой лишней.

Таня открыла рот от удивления, но дипломатично промолчала, а Широкова прямо-таки побелела от ненависти к Яне.

* * *

– Что ты такое сегодня придумала про «Вираз»? – спросила Самохина Яну, когда они шли домой из школы.

– Вовсе и не сегодня. Витька Шереметьев еще в ту субботу, когда ты с Юрой познакомилась, хотел со мной потанцевать, но я решила для начала его немножко потомить и помучить, чтобы сильнее раззадорить, – почти не соврала Яна. – А сегодня я как раз решила, еще до твоего разговора с Широковой, что уже пора наконец Витьку к себе приблизить. Я же не виновата, что Юлька опоздала и что Шереметьеву я уже целую неделю нравлюсь.

– А мы разве собирались в «Вираз»? – так ничего и не поняла бестолковая Танька.

– Не собирались, так соберемся. Тем более... – Яна не договорила, потому что их догнали Князев с Шереметьевым.

– Девчонки, а не пойти ли нам вчетвером в субботу на дискотеку? – весело спросил подруг Витька, и Яна с удивлением обнаружила, что она, сама того не подозревая, сказала Таньке чистую правду. Витька смотрел на нее такими лучащимися глазами, что сразу было видно – она ему здорово нравится.

Вот так номер! Сто лет проучились в одной школе – и ничего. А стоило Таньке единственный раз пригласить Князева на танец – и вот она, любовь до гроба. На клумбе копошились, копошились – только здоровались. Но стоило Яне подойти к Витьке на дискотеке – и нате, получите горячий интерес. Этот «Вираз» – просто заколдованное место!

Яна перевела взгляд на Князева. Тот смотрел на Таньку с нескрываемым обожанием. «Ну, погодите, голубочки! – Яна скривилась в усмешке. – Я породила вашу любовь, я ее и убью! Куда там Тарасу Бульбе!»

– Почему бы и не сходить? – Яна ловко перелицевала свою злобную усмешку в обворожительную улыбку. – Мы согласны. Правда, Таня?

Таня кивнула головой, не сводя глаз со своего героя. Шереметьев, видя, в каком столбняке находятся Князев с Самохиной, деликатно отвел Яну в сторону и спросил:

– А может, мы не станем ждать субботы и прогуляемся сегодня?

– Давай сегодня, – согласилась Яна, которой отступать было уже некуда.

– Часиков в семь тебя устроит?

– Вполне.

* * *

В начале седьмого Яна начала собираться на свидание. Она открыла шкаф и задумалась над тем, что для такого случая лучше надеть, а потом вдруг поняла, что особый наряд и выбирать-то не стоит. Какая разница, как выглядеть перед Витькой? Пожалуй, даже можно особо не краситься. Шереметьева и так уже можно брать голыми руками. Она решила оставшееся до свидания время почитать детектив, но голова была так плотно занята мыслями о Князеве, что решительно ничего больше в нее не помещалось.

Яна швырнула книжку в кресло, накинула куртку и вышла на улицу, чтобы на свежем воздухе еще раз обдумать сложившиеся не в ее пользу обстоятельства. Она намеревалась пройтись по Невскому проспекту, который своей нарядностью и многолюдностью всегда вливал в нее энергию и новые силы. Ей хотелось соответствовать праздничной толпе главной улицы Петербурга, быть такой же независимой, уверенной в себе, и потому она всегда ощущала там некоторый подъем сил, которого ей сейчас очень не хватало для новых атак на злодейку-судьбу.

Получить от Невского энергетический заряд ей не удалось, потому что Витька уже ждал ее, сидя верхом на ограде соседнего детского сада.

– Ты почему так рано? – недовольно удивилась Яна. – Я хотела еще к Самохиной зайти, – тут же сочинила она на всякий случай, потому что не рассказывать же ему про Невский.

– Нечего к ней идти, они с Юриком поехали в «Виразж». Там в кинозале какая-то часть «Властелина колец» идет. Стереозвук обещают.

– Д-а-а-а?! – не смогла скрыть своего огорчения Яна.

Витька понял это по-своему:

– Я смотрю, вы с Танькой здорово дружите. Прямо дня друг без дружки прожить не можете!

– Как вы с Юриком, – буркнула Яна.

– Да, мы тоже с ним давно дружим, с детского сада. Сто раз ссорились, вроде как навсегда, а потом опять мирились. Думаю – это судьба.

– А как ты думаешь, Таня Самохина тоже является Юриной судьбой?

– Возможно, потому что он здорово влюбился.

Яну чуть не перевернуло от его сообщения. Она, делая над собой невероятное усилие, как можно равнодушной бросила:

– Вроде бы еще неделю назад ничего не предвещало этой сумасшедшей любви...

– Все имеет какое-нибудь начало, – философски изрек Витька. – В данном случае оно сразу оказалось бурным в обоих случаях.

– В каких еще обоих? – не поняла Яна.

– Ну... – Щеки Шереметьева мгновенно налились румянцем, будто во рту у него включили ярко-красную лампочку. – Я тебя тоже миллион раз видел, а на дискотеке вдруг как громом поразило: «Она»! Веришь?

Яна верила. Летом на клумбе Князев ее тоже поразило как-то мгновенно и внезапно, хотя она и до того видела его почти каждый день, поэтому Яна кивнула. Витька прыгнул с ограды, и они пошли из двора на улицу.

Гулять с Витькой было нескучно. Он оказался веселым, жизнерадостным человеком, и Яна ловила себя на том, что чувствует себя с ним комфортно и даже не слишком часто вспоминает Князева. Она незаметно бросала на него изучающие взгляды. Витя Шереметьев отличался смуглой оливковой кожей, густыми абсолютно черными волосами и ярко-кариими глазами. Красавцем его назвать было нельзя, но и дурен собой он не был. Более того, он всем был бы хорош, если бы... если бы в природе не существовало Юры Князева.

Яна вздохнула и напоролась взглядом на Брыкуна. Колька вышел из соседнего универсама с пачкой сигарет, которую, видимо, только что собирался распечатать. Увидев Яну с Шереметьевым, Брыкун остолбенел и уставился на них разгоревшимися злобой глазами. Яна покрутила пальцем у виска, показывая Кольке, что у него совсем съехала крыша, и с отвращением отвернулась.

* * *

На следующее утро перед занятиями Яне не пришлось заходить за Самохиной, потому что та уже ждала ее у своего подъезда. Завидев Кузнецову, она бросилась к ней с таким ужасным лицом, что испуганная Яна поспешила спросить:

– Что случилось?

– Витька в больнице! – выкрикнула Таня.

Несмотря на самохинскую взволнованность, Яна почувствовала, что сразу успокоилась. Подумаешь, в больнице! Все там бывали. Ей, например, и гланды удаляли, и аппендицит вырезали, и ничего.

– Что с ним случилось? – довольно безразлично спросила она.

– Избили его! Сильно!

- Кто? – Янино спокойствие мгновенно улетучилось без следа.
- Он не говорит!
- То есть как это – не говорит? Откуда же ты знаешь, что его избили?
- Мне вчера вечером Юра звонил, а ему Витькина мамаша. Она спрашивала, не знает ли он, где и с кем был Витька.
- Ну и? – Яна нервничала все больше и больше.
- Ну и Юра, на всякий случай, сказал, что не знает, хотя знал, что он собирался к тебе на свидание. К вам никто не приставал?
- Никто. По крайней мере, пока мы были вместе... Он часов в десять довел меня до подъезда, и мы расстались.
- И ты даже не можешь предположить, кто мог к нему привязаться?
- Еще как могу! – бросила Яна и, не оглядываясь на подругу, побежала к школе.

* * *

Прямо в гардеробе она прижала к вешалкам с куртками Брыкуна и, с ненавистью глядя в его крапчатые глаза, по-змеиному прошипела:

- Ну, гад! Это ты! Я знаю!
- О чем ты? – Брыкун оторвал от свитера ее руки и независимо скрестил на груди свои.
- Это ты... Шереметьева... За что? – Яна пылающими глазами чуть ли не прожигала Брыкуна насквозь.
- Догадайся! – не стал отнекиваться Колька.
- Я же все равно в тебя не влюблюсь! Неужели не ясно?!
- А вдруг!
- Никаких «вдруг»! Я теперь тебя просто ненавижу! – выкрикнула Яна и сама удивилась, что ничуть не преувеличивает. Она готова была стереть Кольку с лица земли.
- А его? – Глаза Брыкуна опять, как у универсама, злобно сверкнули.
- Кого? – осторожно поинтересовалась и сразу стихла Яна. Неужели Колька догадался про Князева?
- Ясно кого. Шереметьева! Влюбилась в него, да?
- Дурак ты, Колька, – напряжение сразу отпустило Яну, и она даже слабо улыбнулась. – Я в него не влюблена. Клянусь!
- Зачем же тогда вы с ним шли, как парочка голубков? – Теперь на Кузнецову грудью наступал Колька.
- Ни за чем! Не твоего ума дело! – опять рассердилась она. – Лучше скажи, что ты Витьке сделал? Почему он в больнице?
- В больнице? – растерялся и даже побледнел Брыкун. – Врешь! Не может быть!
- Может! Да расскажи же ты наконец, как дело было!
- Ну... дал ему пару раз, и все...
- А он?
- А что он?
- Дрался с тобой?
- Не мог...
- Почему?!
- Да я сзади... Он не видел... – Глаза Брыкуна из злобных стали виноватыми.
- Ну, негодяй! – Яна опять яростно вцепилась в его свитер. – Это же подло!
- А я, может, был в состоянии аффекта. Не контролировал себя, понятно?
- Врешь ты все! Просто от природы ты – злобный гад!

– Я не гад. Ты мне просто здорово нравишься, а встречаешься с ним. Тут любой не выдержал бы!

Яна напоследок ткнула Брыкуна кулачком в грудь, вышла из гардероба в вестибюль и увидела Князева с Танькой.

– Юра! – впервые обратилась она к предмету своих мечтаний без всякого трепета. – Что с Витькой?

– Вроде ногу сломал. Упал неловко. Сложный какой-то перелом, винтовой.

– В какой он больнице?

– В нашей, многопрофильной, у бассейна. Мы с Таней к нему после уроков собираемся. Пойдешь с нами?

– Нет. Я пойду без вас. Вечером. Предупредите его.

* * *

Вчера еще смугло-оливковое лицо Шереметьева бледно голубело на желтой казенной подушке.

– Очень болит? – участливо спросила Яна и выложила на тумбочку два апельсина и яблоки.

– Да так... средне... – улыбнулся Витька. – Я рад, что ты пришла.

– Ты прости, что так получилось. Он, конечно, дурак, но не... мерзавец.

– Кто?

– Брыкун.

– А это был Брыкун?

– Да... А ты... разве не видел?

– Так этот твой... который не мерзавец... он, представляешь, сзади... Ты не думай, что я такой слабак, что не смог за себя постоять... Я не ожидал, оступился... А он сбежал. Я не знал, что это Брыкун. А что я ему сделал-то?

Яна почувствовала, как в лицо ей бросилась краска.

– Он... из-за меня... Ему не понравилось, что мы с тобой шли вместе...

– А он тебе кто? – напряг свое бледное лицо Витька.

– Никто. Одноклассник.

– Он в тебя влюблен?

– Вроде того...

– А ты в него?

– А я нет. Но ты все-таки не думай, что он негодяй. Я с ним сегодня разговаривала. Он говорит, что был в состоянии аффекта. Он не ожидал, что ты получишь такую серьезную травму. Он здорово испугался, когда я сказала, что ты в больнице.

– Что-то ты с большим жаром его защищаешь, – холодно сказал Витька. – Врешь, наверное, что он тебе никто.

– Не вру.

– Чего ж тогда так волнуешься?

– Я стараюсь быть справедливой. – Яна вздохнула и перевела разговор на другое: – Что врачи говорят? Долго будешь в больнице?

– Нет. С переломами многие вообще в больницах не лежат, дома находятся. Но у меня кости как-то нестандартно сместились. Как раз сегодня врач приходил, сказал, что пару дней меня еще здесь понаблюдают, рентген контрольный сделают и, скорее всего, отправят домой. А ты будешь ко мне приходить?

– Буду, – односложно ответила Яна.

– Может, и хорошо, что я ногу сломал, – неожиданно сказал Витька.

– Это еще почему?

– Потому что ты будешь приходить и... возможно... привыкнешь ко мне. Я же вижу, что не особенно тебе нравлюсь...

– Да? – только и смогла вымолвить Яна, удивившаяся необыкновенной шереметьевской прозорливости.

* * *

Витя Шереметьев промучился со своим сложным переломом четыре месяца. Яна приходила к нему часто и каждый раз не уставала удивляться тому, что видела в его квартире. Она и раньше знала, что шереметьевский отец, владелец какой-то крупной фирмы, человек небедный, но такого великолепия обстановки не ожидала. Витька всегда одевался очень обыкновенно, как все: в джинсы и джемпера, а дом его оказался набит золочеными светильниками, картинами в тяжелых рамах и потрясающей красоты вазами.

– Вот это да! – в очередной раз изумилась Яна, когда взгляд ее упал на лежащую на столе плоскую коробку, украшенную витыми золотыми шнурами и инкрустированную янтарного цвета пластинками. Раньше она ее не видела. – Настоящий янтарь, да? – Она осторожно тронула пальцем одну из медовых пластинок.

– Похоже на то, – совершенно незаинтересованно отозвался Витька.

– Это шкатулка?

– Нет, альбом для фотографий в футляре. Мать в какой-то антикварной лавке купила. Сдвиг у нее такой в мозгу. Тащит домой все подряд, как сорока из какой-нибудь басни.

– Ну что ты, Витя! Ведь такая красота! – не смогла скрыть своего восхищения Яна. – Наверное, сумасшедших денег стоит?

– Скорее всего, – почему-то сморщился Витька.

– Можно подумать, тебе неприятно, что у вас много денег, – с недоверием посмотрела на Шереметьева Яна.

– Мне не надо столько, – не отвел глаз Витька.

– Вот если бы тебе не хватало, то ты так не говорил бы!

– Я только сказал, что мне не нужно много, – он упрямо гнул свое. – Я в нашей квартире задыхаюсь от всех этих занавесей, ковров и позолоты. Мне все время кажется, что я не дома, а в музее и что вот-вот придет какая-нибудь старушка в очках и попросит выметаться из казенных залов. – Он еще раз поморщился. – Знаешь, пойдем лучше в мою комнату, там все-таки этого... всего... поменьше.

Витькина комната действительно была обставлена попроще, но и в ней мебель была такой богатой, какой не было ни у кого из других Яниных знакомых.

– Неужели тебе вообще ничего здесь не нравится? – продолжала удивляться Яна, усевшись на диван вычурной формы и поглаживая мягкую велюровую темно-зеленую обивку.

– Мне нравятся портреты, которые висят у нас в гостиной напротив окна. И еще есть одна вещь... Погоди... – Он вышел из комнаты и через некоторое время вернулся, что-то сжимая в кулаке. – Вот смотри. – Он разжал руку. На ладони лежало тонкое золотое колечко без всяких украшений с одним продолговатым искристым голубым камнем. – Это фамильная драгоценность. Сапфир. Он очень дорогой. Бабушка мне оставила. Сказала, что та девушка, которой колечко придется впору, станет моей невестой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.